

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Профессиональных тещев-декламаторов становится все меньше и меньше. Кажется, что в эпоху всеобщей грамотности мы разберемся с печатным словом сами. Однако слово написанное и произнесенное воздействует по-разному. Рафаэль Клейнер, один из последних рыцарей этого жанра, читает не только стихи, но и прозу, публицистику, письма. В его репертуаре около 40 программ: от Ахматовой до Эйнштейна (по алфавиту), от Платона до Бродского (по хронологии).

На своих поэтических вечерах Давид Самойлов обычно просил помочь ему читать стихи двух артистов — Зиновия Гердта и Рафаэля Клейнера. И тот и другой обладали необходимыми и достаточными качествами: были его друзьями, любили поэзию и держали в памяти невероятное, астрономическое количество строк. Самойлов и Гердт — ровестники. Клейнер — моложе их почти на целое поколение. Наверное, поэтому ему и доставалось в компании больше протих. Я имею в виду — подначек и всяких шуточных стихов, принятых в своем кругу. В озорной сборник Самойлова "В кругу себя", изданный после его смерти, вошла отдельной главой "Поэтически рассказанная жизнь мастера слова Рафаэля Малахов" (откуда возникла эта фамилия, догадаться с трех раз). В стихах обыгрывался один и тот же сюжет: любовь артиста к некоей Соне, не увенчавшаяся взаимностью. Вот одно из стихотворений:

Набросок меня

Погляди на меня, я красивый,
Я талантливый, Соня, артист,
Наделен я достаточной силой
И морально достаточно чист.

Не обижен я также и славой,
И приличной достиг высоты:
С Левитанским знаком, с Окуджавой,
А с Фазиль Искандером на "ты".

Нет! Меня ты еще не узнала!
И когда-нибудь, Соня, клянусь,
Выходя из Чайковского зала,
Я небрежно тебе поклонюсь.

Поскольку эта тема показалась мне глубоко личной, я решила никаких вопросов про Сону не задавать. Но Рафаэлю Александровичу, похоже, вспоминать это приятно:

— У Самойлова есть два цикла — "Соньтементы" и "Колесоня", но кроме него эту жилу разрабатывали еще несколько поэтов. От моего имени они объяснялись Соне в любви. Решили, что у Сони два выхода: либо выйти замуж за меня, либо вообще ни за кого. Между прочим, Соня — это реальная женщина, и выбрала она третье: вышла замуж за другого. Теперь живет далеко, и у нас с ней прекрасные отношения. А я ... женился много лет спустя и в пятьдесят родил сына Сашку.

— Среди стихов Самойлова, посвященных вам, есть одно философское — не о Соне, а о поисках смысла жизни:

Письмо учителю и его жене

Яков Михальч, Ирина Иванна!
Пишет вам ваш ученик Рафаэль.
Жажду узнать я, как это ни странно,
Есть ли у жизни какая-то цель?

Я умоляю: путем телеграфа
Мне сообщите короткую весть.
Адрес — Мисхор. Содержание: "Рафа!
Цель в этой жизни какая-то есть".

Если же наши напрасны попытки
Смысл этой жизни познать, — то ответ
Мне напишите в почтовой открытке:
"Цели у жизни особенной нет".

— Про цель жизни я спрашивать не буду, а скажите: кто такой Яков Михальч?

— Это Смоленский. Известные тещевы — он и Дмитрий Николаевич Журавлев — много мне

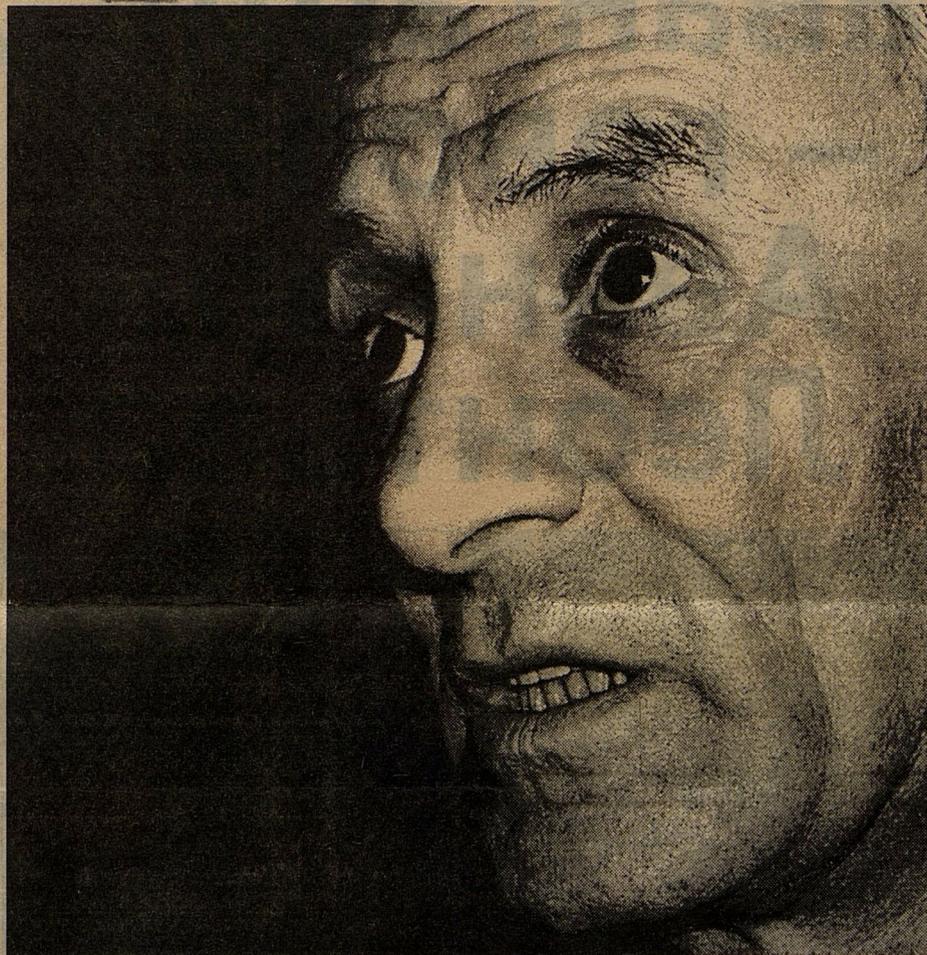
дали в смысле профессиональной школы. Со Смоленским мы познакомились в 1962 году в Новосибирске. Он туда приехал на гастроли, а я одновременно преподавал и учился в театральном училище и уже начал выступать как тещев. Готовил "Бабий Яр" Евтушенко. Меня приглашали в театр, давали хорошие роли, но показалось скучно играть чужого дядю: напяливать ватные штаны, клеить усы. Будь у меня две жизни — одну я бы мог на это потратить! Но эту, единственную? Жалко.

или, наоборот, томно опущенные глаза не только очерчивают облик и характер персонажа, но и состояние его души, и ... страшно вымолвить ... его судьбу.

Михаил Козаков жаловался на израильского зрителя: мало ходят, концерты по стихам Бродского приходится отменять из-за отсутствия желающих. Слава Богу, у нас в России роскошь поэзии еще не отменили. Она не для стадионов — для немногих. "А какая разница, сколько публики пришло?" — говорит Клейнер.

"Есть ли у жизни какая-то цель?"

Театральный курьер. — 1997. — февр. — с. 8
Рафаэль Клейнер в поэтическом кругу

И действительно, обязательны ли усы и носы, офицерские погоны или лохмотья бродяги, если артист "открывает" своего героя изнутри? Конечно, аксесуары помогают, за них можно зацепиться, спрятаться. Но Клейнеру нет нужды прятаться. В программе по стихам Иосифа Бродского "Никтоуда с любовью" он мгновенно, без тайных ухищрений, перевоплощается в страдающего от ревности капитана; его одиннадцатилетнего сына, дурачка, нелепо, ни за что застрелившегося отца соперника; актрису, возлюбленную капитана. Перед нами — целый спектакль! Артист "всего-навсего" сидит в кресле. Но посадка его корпуса, изгиб шеи и поворот головы, жесткость или капризная тягучесть интонации, наивно открытые

— Бродский или Шнитке не станут хуже, если их слушает десять человек!" Но это он так, я ему не верю. На вчерашнем концерте в Доме Журналистов он внимательно оглядел зал и отметил не только, что тот полон, но и кто как слушает. Полтора часа — тысячи строк наизусть — Бродский, один из труднейших для чтения поэтов. Никто не то что не вышел — не кашлянул! Человек скромных размеров (ему очень подходит его фамилия), в ослепительно белом костюме, без признаков карабасо-барбасистости, держал своим полем каждого зрителя. А в театре "У Никитских ворот" на его моноспектакле "Апология сумасшедшего", как говорят, всегда аншлаг. Подумавешь — Чаадаев! Славянофилы и западники. Школьная про-

грамма. Но ведь какая искренняя боль за Россию! Я сама не могу слушать молча эту прекрасную ересь, будто Россия ни одной самостоятельной идеи не родила. Страшно хочется возразить!

— Ну так спорьте, — говорит Клейнер спокойно, как человек, на это и рассчитывающий. — Если того, что я вам сказал, достаточно, чтобы возбудить в вас более глубокий интерес к нашей истории, чем он был до сего дня, я буду вполне удовлетворен. Петр Яковлевич Чаадаев.

— У вас каждая программа — это концепция. Например, в композиции "Эйнштейн", которую вы делали вместе с Давидом Самойловым, — берется тема "личность и толпа". Может ли артист быть философом-проповедником?

— Зависит от цели: кто какую себе ставит. Один хочет набить зал, берет модную тему. Я не осуждаю, но сам делаю лишь те программы, которые не могу не сделать. Рад бы, но не могу. "Эйнштейн" так и родился, а ведь сколько раз закрывали: "Зачем он нам? Почему не Курчатов?" В 83-ем году я делал программу "Не могу молчать" (она называлась "Перечитывая русскую классику"). Ее закрыли. А кто ж там был? Достоевский, Чехов, Салтыков-Щедрин, Писемский, Толстой!

— Вас много закрывали?

— Конечно. Даже композицию 68-го года "Строки, пробитые пулей" о поэтах, погибших на фронтах Второй мировой. Николай Майоров, Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Всеволод Багрицкий. Мне твердили: "Зачем частные мнения этих молодых людей?!" У Кульчицкого есть "война, которую мы ждали, знали, что она придет..." Сверху окрик: "Что значит "знали"?"

— В чем изюминка вашего жанра?

— Есть чтение чисто актерское: когда актер забежал с улицы, между театром и съемкой и что-то "зачитал". С испугу, может, и хорошо зачитает. Есть чтение поэтическое, где в первую очередь держится поэтическая сторона. Есть — художественное. А есть еще все это, соединенное вместе.

— Вы любите слушать, как читают сами поэты?

— Некоторые поэты считают, что неприлично исполнять свои стихи талантливо, переживать. Давид Самойлов написал: "Я отстрадал. Довольно..." Арсений Тарковский прямо говорил, что поэт должен скромно читать свои произведения. Это наша задача — талантливо исполнить, подчеркнуть аллитерацию, образ, ритмику, тональность, особенность стиха. Блокские многоточия. Воздушность Бродского. Звукопись Мандельштама. Это — состояние. Его нельзя сыграть, а надо накапливать и соединять. Свои стихи поэт может читать идеально. Но редко кто из поэтов читает другого, а если и читает — подминает под себя. Вот Евгений Евтушенко ведет передачу и какого бы поэта не взял — всегда это в первую очередь его, евтушенковское отношение.

— Вы много ездите по России?

— Сейчас меньше, но езжу.

— Публика когда-нибудь удивляла вас проявлением своей признательности и любви?

— В Одессе, где я лет двадцать выступал, незнакомые люди приносили мне фаршированную рыбу и мацу, а в Минске меня встретила огромная очередь перед филармонией. До моего концерта оставалось больше часа. А филармония висела большие афиши Аллы Пугачевой: ее выступление должно было состояться через три дня. Я, конечно, решил, что пришел покупать билеты на Пугачеву. Оказалось: это ждут "лишнего билетика" на меня. На поэзию.

Светлана Новикова.